

лит. газ. 1979, 31 окт.

ПРОРЫВАЯ канал в пустыне, строители натолкнулись на остатки древней цивилизации. Чрезвычайное происшествие. Но — какое? Не скала, не плавун, требующие от героев решительного действия, может быть, подвига даже, во всяком случае недвусмысленного проявления в поступке своих человеческих качеств... Нет, все гораздо «спокойнее», но тем труднее задача писателя, сделавшего этот причудливый — реальный и символический — конфликт отправной точкой, сюжетным «зерном» произведения.

Сказать, что в центре маленькой повести В. Кожевникова «Пустыня» — наши современники, их трудовые будни, — это почти ничего не сказать ни о ее духе, ни о ее героях — прорабе мехколонны Фонареве, экскаваторщике Кононыкине, бульдозеристе Сорокине, студентке Бернаре Саидовой, ибо вдохновенное исполнение своей почетной обязанности для них лишь «первый взнос» в человеческое сообщество. Важно то, что труд для таких людей стал естественной, глубоко личной, сокровенной потребностью, определяющей их нравственность, внутреннюю культуру, помыслы, их мироощущение.

Неожиданная находка служит как бы тем оселком, на котором оттачивает писатель характеры героев. Перед неслышным творением рук человеческих открыли люди тайники своих душ, задумались о смысле красоты, ощутили и свой, такой обычный труд как деяние, как творчество. И как бы незримый мост перекинулся из глубокого прошлого в далекое будущее: пройдут времена, и потомки, быть может, так же уважительно и потрясенно будут вглядываться в наше бытие.

Каждый по-своему раскрывается навстречу прекрасному. Чувствующий машину «как самого себя», переживающий, когда ей трудно, Сорокин буквально благоговейно и перед открытыми фресками и амфорами. Бывший фронтовик Кононыкин, привыкший еще на войне «со стариной считаться», хочет знать, кто же был «погубителем этой красоты». «Прагматик» Фонарев, откровенно и бурно «болеющий» за поставленный под угрозу план (мехколонна вынуждена прервать на неопределенный срок работу), втайне надеется отыскать вблизи остатков древней цивилизации оросительную систему того времени и восстановить ее...

Нет, не так все просто и прямолинейно, и не хочется в угоду наглядности препарировать живую ткань произведения: к поступкам отнюдь не ведут зримые «тяги» от разума ли, от сердца героев. Напро-

тив, писатель стремится запечатлеть неуловимое, сложное и противоречивое в человеческой психике, и оттого характеры, нарисованные им, — живые и теплые. Но вместе с тем, ничуть не теряя в психологической определенности и конкретности, эти герои выражают чувства, общие и близкие каждому человеку.

Многое сумел сказать автор в маленькой повести о нашем современнике. В этом заключается одна из привлекательных особенностей дарования Вадима Кожевникова: в каждом произведении он необычайно щедр на творческую самоотдачу, как бы исчерпывает себя

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ БЫТИЯ

«до дна», не оставляя «на потом» ни ярких находок, ни озарений. Но приходит это «потом» — и мы открываем для себя много Кожевникова, новую грань его творческой индивидуальности.

Есть, конечно, то общее, основное качество, что роднит все его романы, повести, рассказы: чутко реагируя на требования современности, писатель всегда ставит коренные проблемы народной жизни, он тяготеет к изображению героев активных, подлинно гражданского склада мышления и сложного духовного мира. Но каждый раз нов маршрут его писательского поиска, необычен угол зрения на ставшие привычными явления повседневности, свежа палитра.

В повести «Полюшко-поле» Вадим Кожевников обращается к теме колхозного села. Светлым юмором и лирической интонацией окрашено серьезное, порой драматическое повествование. О преображении жизни современной деревни, о противоречивых процессах, в ней происходящих, о трудностях в борьбе за преодоление этих противоречий автор говорит впечатляющим языком художественных образов, человеческих судеб.

Вот главный инженер колхоза Валентин Степанович Бокков, представитель новой (впрочем, такой ли уж новой?) сельской интеллигенции, «бог в технике», горожанин по происхождению, но нашедший здесь, в колхозе, свое подлинное призвание. (Не одной ли из поездок писателя — по Кубани — навеян этот образ? В Усть-Лабинском районе, например, где довелось побывать Вадиму Кожевникову, специалистов типа Боккова немало, есть и директора совхозов —

кандидаты наук.) Вот главный агроном колхоза Анастасия Андреевна Коренкова. Прочтили ей судьбу ученого-биолога, но сильнее оказался зов земли, ее взрастившей. Вот сам председатель колхоза Сергей Павлович Никитин. Он живет только работой. В двадцать три года взял он на себя заботу о семье погибшего на фронте брата и с тех пор посчитал себя не вправе иметь свою личную жизнь. Давно нравится ему Настя Коренкова, и она, судя по всему, любит его, но идут годы, выросли дети брата, а Никитин и Коренкова по-прежнему одиноки...

Житейски простая с виду драма героев исследуется не только в русле добрых и мудрых традиций народной морали, в непрерывном единстве не только с противоречивыми жизненными обстоятельствами, но и с напряженным, усложнившимся внутренним бытием героев. Неисповедимые прихоти души, целомудрие, нравственный максимализм — вот что движет и поступками молодых влюбленных — бульдозериста Сорокина и студентки Бернары Саидовой из повести «Пустыня». В лицах своих

героев писатель отразил лик нашего времени.

В этом заключается еще одна немаловажная черта В. Кожевникова-прозаика: умение через малое показать великое, оттолкнувшись от частного случая, выйти на простор широких социальных обобщений. В производственных коллизиях обеих повестей прослеживаются очертания актуальных проблем современности. Истории любви, поведенные автором, утверждают высокую нравственность духовных основ нашей жизни вообще.

И опять же, если вернуться к художественным особенностям обеих повестей, — о высоких истинах автор не вещает, не укладывает их в жесткие рамки проповеди, а ведет рассказ живо и увлекательно, давая высказаться самим героям и ограничиваясь порой лишь изящным комментарием. Как всегда, динамичны диалоги, быт в цель тонко подмеченные детали. Серьезное и комическое, как и в жизни, соседствуют в контрастном единстве, нарождающееся новое теснит явления отжившие.

...Здесь все — как в жизни, которую писатель из произведения в произведение углубленно исследует.

Л. ПОЛУХИНА

Вадим Кожевников. «Пустыня». Маленькая повесть. Журнал «Огонек», №№ 27—29. 1978.

Вадим Кожевников. «Полюшко-поле». Повесть. Журнал «Октябрь», № 11. 1978.